

Парк юрского периода

ТЕПЕРЬ В ЯРОСЛАВЛЕ

Мир, что был задолго до нас, неопишимо красив. Здесь, в открывающемся после радикального обновления геологическом музее Ярославского педуниверситета, та красота – на расстоянии вытянутой руки. К ней можно прикоснуться, как к этой вот окаменевшей морской рыби, навсегда застывшей на пластине розового кварцита.

На музейных рисунках-реконструкциях ископаемые «тритоны» безмятежно дремлют на пляжах Среднерусского моря, что 150 миллионов лет назад простиралось от устья Печоры до нынешних волжских низовьев. Но «век динозавров», мезозой, был полон хищных страстей. Наши собеседники и гиды – палеогеографы Владимир Баранов и Дмитрий Киселев, авторы новой экспозиции, предлагают нам не просто полюбоваться окаменевшей крокодильей мордой амфибии, но и потрогать ее челюсть.

– Только, пожалуйста, не увлекайтесь, – предупреждает Дмитрий. «На ощупь» зубы у этой особы до сих пор такой остроты, что палец в рот ей не клади: чрезмерное любопытство вмиг может обернуться нечаянным кровопролитием.

«Крокодиль морда», по-научному лабиринтодонт, – далеко не самый крупный хищник своего времени. В тихом ужасе рассматриваем размером с лопату плавник морского ящера, остатки позвоночника ихтиозавра с окаменевшей, пардон, «кашечкой», на что наши гиды обратили особое внимание. Тут же гигантские позвонки его современников – плезиозавра, по образу жизни схожего с тюленем наших дней, и верховного хищника-самодержца по имени плиозавр, свысока посматривавшего на остальных членов древнего сообщества охотников и рыболовов.

Музей навсегда помирил в одной витрине охотников с их жертвами – моллюсками. Хотя и сами жертвы тоже слынут отъявленными разбойниками. Вот ближний родич кальмара – стреловидный белемнит, «чертов палец». Окаменевшие скелеты этих моллюсков древние греки называли «громовой стрелой», полагая, что образуются такие стрелы при ударе молнии в песок.

Если белемнит по-акульи рывком настигал свою добычу – в основном мелкую рыбешку, то его дальний сородич аммонит, размерами со средней величины осьминога, высунув из раковины щупальца, промышлял из засады, чаще просто зависал в толще воды, словно живой калкан. Их раковины, названные в честь своеирравного, но справедливого древнеегипетского бога Аммона с бараньими рогами, – гордость нескольких поколений ярославских палеонтологов.

Сама природа позаботилась, чтобы наше Верхневолжье со времен Ломоносова стало одним из отечественных и мировых центров изуче-

Фото Дмитрия ШИМАНСКОГО.

ния «века динозавров». Земная кора живет и дышит, ее судьбы так же неисповедимы, как и людские. Некогда она дала трещину как раз в наших краях, примерно по линии современных Валдая и Солигалича. Где-то кора прогнулась, а у Рыбинска, наоборот, образовался выступ – слои осадочных отложений мезозоя вышли на поверхность.

Их и сегодня можно потрогать руками на при-

Авторы новой экспозиции геологического музея Ярославского педуниверситета (справа налево) Владимир БАРАНОВ и Дмитрий КИСЕЛЕВ.

брежных обрывах Волги возле Тихвинского и Глебова, на берегах ее притоков Черемухи и Сутки. Ярославскую юру в Глебове ученые открыли задолго до того, как в 1829 году юрскую систему выделил основатель палеоботаники француз Александр Броньяр. Натуралист из состава одной из

камчатских экспедиций, член Российской академии Иоганн Гмелин ящик с образцами «фигурных камней», описав их, послал отсюда в петровскую Кунсткамеру.

(Окончание на 7-й стр.)

Парк юрского периода

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Лет сто спустя о Глеbove узнала Европа. В пореформенные десятилетия за ярославскую юру всерьез взялись исследователи местные и столичные. Оставили свои имена в названиях нескольких видов аммонитов (всего сегодня их известно около пятнадцати тысяч) профессор Московского университета Григорий Щуровский, его ученик Сергей Никитин, один из составителей первой геологической карты России, автор капитального труда «Юрские образования между Рыбинском, Мологой и Мышкином».

А новые времена в исследованиях верхневолжского «парка юрского периода», как считают авторы новой экспозиции, открыл в конце 30-х годов своей командировкой в Глебово молодой сотрудник Института палеонтологии, будущий профессор нашего ЯГПИ Анатолий Иванов, чье имя носит геологический музей.

Только один довод в пользу его сегодняшнего авторитета среди коллег. В его честь названы три вида аммонитов, а недавно после находок Киселева и его старшего коллеги Евгения Муравина в Рыбинском районе именем профессора Иванова назвали новый род этих моллюсков.

Наши гиды с аммонитами в руках с удовольствием сфотографировались для газеты, а затем Дмитрий Киселев произнес на примере их эволюции вдохновенный монолог о мудрости живой природы. В кратком пересказе интрига выглядит так. У них с рыбами была одна и та же добыча, и потому соперники, мягко скажем, не дружили, с перманентным успехом оспаривая сферы влияния.

Маневренность чем достигалась? А тем, что аммонит устроен как субмарина. Раковина пустая и, когда наполнена водой, опускается на дно. Если же ее заполняет выделенный из крови газ, то она всплывает на поверхность. А для чего раковина, как выразился Киселев, «шипастая»? Против укуса рыбы. Глубоководным же аммонитам нужна была и особая прочность – защита от давления воды. Обеспечивалась она ребрами «гофрированной» раковины и формой, близкой к шару.

Ответ, почему так, Дмитрий нашел в учебнике по сопратаму. Оказывается, одна из самых прочных конструкций – система шаров, вложенных друг в друга. Так что вполне объяснимо, почему раковина для мелководья плоская, а глубоководная похожа на миниатюрный батискаф.

Остается прояснить вопрос: почему ры-

фото Дмитрия ШИМАНСКОГО.

бы выжили, а столь сообразительные моллюски погибли? У молодого ученого есть гипотеза. Рыбы, по его логике, жили «налегке», лучше приспособлялись к изменившимся условиям охоты, становясь все быстрее и крупнее. Трудяга-моллюск был обременен еще и заботой о созидании раковины, и этот «долгострой» мешал ему развиваться.

Чтобы никто не мог упрекнуть репортера в том, что слона-то они и не заметили, мы в финале нашей прогулки по условному «парку юрского периода» приостановились возле витрин самого последнего в геологической шкале времен – четвертичного периода. Бесценны эти гигантские кости: бивень, верхняя челюсть, часть черепа мамонта с мозговой полостью – есть планы показать мозг исполина в натуральную величину, сделал слепок. Рядом череп шерстистого носорога. Специалисты считают, что этот экспонат еще ценнее, потому что совсем редкий: мамонты жили стадами, а носорог – в одиночку.

Завершает экспозицию новейшая карта полезных ископаемых края – дар университета от департамента АПК. К сегодняшнему открытию, возможно, одного из лучших в российской провинции геологических музе-

ев, реконструированного с учетом современных достижений искусства дизайна (планшеты из пластика, витрины с подвижными конструкциями), приурочена презентация нового «Атласа геологических памятников природы Ярославской области».

При поддержке областной администрации и управления природных ресурсов и охраны окружающей среды МГР впервые предпринята попытка описать все официально утвержденные памятники края. Их 22, в том числе два – мирового и шесть – федерального значения.

Прискорбное состояние даже самых ценных из них – тема для отдельного разговора. Но все же. Застроен гаражами Крестовский карьер в черте Ярославля – от памятника мирового значения целой осталась только одна «стенка». Весь зарос овраг у деревни Черемошник под Ростовом. К Максимовскому на Черемухе не подступиться – уникальные отложения завалены сушняком, их «перечеркнула» железная лестница.

По одной из версий палеонтологов, замысел носовства такой: может быть, увидев лестницу, теперь наконец-то перестанут ученые своими «раскопками» докучать местным жителям?

Юлиан НАДЕЖДИН.